

Таблица 1

Какие проблемы, на Ваш взгляд, наиболее остро будут стоять в XXI в.?
(в % от числа опрошенных в мире и в России)

Вариант ответа	В мире	В России
Загрязнение окружающей среды	55	37
Распространение СПИДа и других смертоносных эпидемий	36	34
Распространение наркомании	23	33
Исчерпание природных ресурсов	25	22
Международный терроризм	17	16
Природные катастрофы и климатические катаклизмы	22	11
Падение уровня рождаемости	15	29
Нищета и голод в отдельных странах	14	15
Глобальный экономический кризис	8	11
Локальные вооруженные конфликты	8	14
Угроза новых мировых войн	16	8
Опасные изменения в генетике человека	10	4
Перенаселение	6	1
Угроза войны с космическими пришельцами	1	1

Исследование типа "Экспресс", август 2000 г., N=1600 человек.

Рамки массовых ожиданий. Как и следовало ожидать, распространенные представления о наступающем столетии оказываются довольно примитивными. В них обычно используется один из двух приемов: либо допускается, что "там", за воображаемой гранью веков, примерно то же, что и здесь (продолжение известного), либо предполагается, что "там" все иначе (отрицание известных порядков, реализация "запредельных" надежд, всеобъемлющая катастрофа или что-то в этом роде). Сейчас явно преобладают ожидания первого, "актуалистического" типа. Ждут дальнейших улучшений там, где они наметились, верят в технику и медицину (между прочим, довольно оптимистически смотрят на генную инженерию, вопреки преобладающему тону СМИ), но не в утопии и перевороты (см. табл. 1 и 2).

Стоит обратить внимание на явное разделение преимущественно "наших" и преимущественно "общих" (точнее, "чужих") проблем. Наркомания, падение рождаемости, экономический кризис, локальные конфликты — то, что беспокоит прежде всего нас; причины не требуют пояснения ("глобальный экономический кризис" для нас — это август 1998 г.). Загрязнение окружающей среды, природные катастрофы, мировые войны, опасность генетических изменений, перенаселение — это скорее "их" проблемы. Общими (одинаково важными) остаются СПИД, терроризм, нищета и голод. Довлест дневи злоба его...

Татьяна ЗАСЛАВСКАЯ

Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса

Трансформационная активность социальных субъектов: определение понятия. Общепринято считать, что основным содержанием посткоммунистических трансформационных процессов служит преобразование институциональной структуры общества. В основе этих процессов лежит борьба многих противоречивых сил. Более массовые тенденции, суммируясь, вызывают институциональные сдвиги, противоположно направленные — погашают друг друга, а относительно слабые — остаются латентными. Движущей силой и главным инструментом борьбы за конкретные институциональные перемены служит *трансформационная активность* индивидуальных и коллективных акторов — индивидов, организаций и групп, движимых разными мотивами, интересами, потребностями и ценностями.

Под трансформационной активностью я имею в виду тот специфический элемент действий социальных акторов, который обуславливает или в конечном счете влечет за собой (не важно, прямо или косвенно) *качественное изменение общественных институтов*. Понимаемая таким образом трансформационная активность охватывает все виды социальных действий людей, служащие прямыми и косвенными источниками позитивных и негативных трансформационных процессов, и является их главной движущей силой.

Но какую именно часть массовых социальных действий можно отнести к трансформационной активности? В максимально широком смысле это понятие охватывает всю совокупность социально значимых действий, отражающих реакции индивидов, организаций и групп на обусловленные реформами изменения в их статусах, правах и возможностях. В более узком же смысле к трансформационной активности можно отнести в первую очередь те модели социальных действий, которые *отклоняются от институциональных традиций*.

Трансформационная активность относительно *рациональна*. Она отражает более или менее продуманную реакцию субъектов на изменение условий игры, нередко — результат рационального взвешивания и выбора одной из нескольких возможных стратегий. Иррациональные (аффективно-эмоциональные или подражательные) реакции на реформы тоже имеют место, но заметное влияние на преобразование институтов они оказывают лишь в случае приобретения массового характера. Таким образом, трансформационную активность можно определить как *совокупность социально-инновативных действий, являющихся преимущественно рациональным ответом со-*

Таблица 2

Как Вы думаете, возможно ли в XXI в.
(в % от числа опрошенных)

Событие	Обязательно произойдет	Вполне возможно	Маловероятно	Совершенно невероятно	Затрудняюсь ответить
Объединение всех государств Земли в единый союз	2	21	36	30	11
Установление единого языка	1	16	37	36	10
Существенное увеличение продолжительности жизни	2	32	39	18	10
Распространение генной инженерии	7	49	18	7	19
Полная автоматизация производства	8	48	27	7	9
Появление колоний землян на Луне и планетах	3	21	32	31	14

Исследование типа "Экспресс", август 2000 г., N=1600 человек.

циальных акторов на вызываемое реформами изменение условий их жизнедеятельности и ведущих к изменению базисных социальных практик.

Подчеркну, что понятие "трансформационная активность" *амбивалентно* по отношению к социальному прогрессу, тем более, что направление последнего не всегда очевидно. Она охватывает *даже те* виды трансформационной деятельности и поведения, которые носят реакционный характер.

Типы трансформационной активности различаются по своей направленности — на *рационализацию* и повышение эффективности институтов, на их *ослабление* и разрушение или на *реставрацию* прежних институтов. Другим критерием их дифференциации служат типы *целеполагания* и мотивации акторов. С этой точки зрения, различаются, с одной стороны, активность, *сознательно* направленная на изменение тех или иных институтов, а с другой — реализация частных прагматических целей акторов (например увеличения прибыли), влекущая за собой *не осознающиеся* акторами институциональные результаты. В качестве специфической "минусовой" характеристики трансформационной активности можно рассматривать и отказ части социальных субъектов от активной борьбы за свои интересы в условиях, когда их права бесосновательно ущемляются.

Общественные институты и социальные практики.

Общественный институт, понимаемый, согласно Д.Норту, как "система правил игры" в соответствующей сфере общества, представляет единство трех элементов: нормативно-правовой верхушки, социокультурного основания и системы социально-правового контроля соблюдения правил и норм. Правовые и административные нормы, устанавливаемые органами управления, составляют лишь верхнюю часть "социальных айсбергов", называемых институтами. Основную же и наиболее массивную их часть образуют социокультурные нормы — установления и правила типа "так должно", "так принято" и "так все поступают". Эти правила обладают большой устойчивостью и с трудом поддаются авторитарному регулированию.

Высокая инерционность общественных институтов в значительной мере объясняется тем, что лежащие в их основе нормы укоренены в национальной культуре. Причем наибольшей стабильностью обладают поведенческие модели, встроенные в структуру базовых институтов власти и собственности. Их относительная независимость от изменений правовой надстройки объясняется тем, что устанавливаемые сверху правила игры оставляют гражданам не только свободу выбора поведения в *рамках* установленных *правил*, но и достаточно широкую возможность их безнаказанного *нарушения*. Поэтому для преобразования общественных институтов недостаточно "росчерка пера" министра или президента. Более эффективным средством решения этой задачи является стимулирование инновационных процессов, вовлекающих в свою орбиту массовые общественные группы и в конечном счете способных изменить соответствующие социальные практики.

Понятием "*социальные практики*" обозначаются устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения социальных субъектов (индивидов, организаций и групп). На мой взгляд, социальные практики — это конкретные формы функционирования общественных институтов. Общей же формой реализации каждого института служит не что иное, как *совокупность* социальных практик в соответствующей сфере. Конечно, институты, как всякая сущность, глубже и устойчивее форм своей реализации. Конкретные практики могут меняться, не затрагивая сущности институтов. Тем не менее трансформация институциональной структуры

общества — это прежде всего *социокультурный* процесс, внешним выражением которого служит качественное изменение повседневных массовых практик. Поэтому характер этого изменения служит критерием эффективности институциональных реформ.

Так, очевидная необходимость реформирования экономики в середине 80-х годов диктовалась тем, что государственная собственность на средства производства влекла неэффективность большинства *экономических* практик. Работники трудились спустя рукава, навязываемые предприятия хозяйственные связи были экономически нерациональны, продукция низкокачественна, технический прогресс двигался черепашными темпами, широко распространились очковтирательство, приписки, мелкое и крупное воровство. Многим было обидно проживать свою жизнь бездарно, но изменить авторитарную систему можно было лишь по инициативе сверху. В итоге *подлинным стимулом* к реформам стала осознанная властью и обществом потребность в рационализации основных *экономических практик*. Соответственно, и судить о *результатах* реформ нужно прежде всего по изменению практик. Улучшилось ли отношение работников к труду? Больше ли они дорожат рабочими местами? Лучше ли работают, реже ли прогуливают, меньше ли воруют? Лучшие ли работники экономически выигрывают, и худшие ли оказываются в проигрыше? Приняли ли отношения между рабочими, специалистами и администрацией партнерский характер, или сохраняется клиентелизм, и взаимодействующие социальные группы по-прежнему не доверяют друг другу? Свертывается ли теневая часть производства и оборота? Вот вопросы, на которые важно ответить. Повседневное поведение, отражающее стремление миллионов людей приспособиться к меняющимся социальным условиям и найти свое место в новой структуре общества, во многом *решает судьбу* институциональных реформ.

Процессы, преобразующие социальные институты, аккумулируют итоги не только деятельности властных структур, но и реализуемой в масштабе страны и на всю глубину общественной иерархии активности массовых социальных субъектов, частично *подчиняющихся* этим структурам, а частично им *противостоящих*. Примером могут служить попытки правительства создать институт *цивилизованного сбора налогов*. По этому поводу было принято множество законов, постановлений, инструкций, создана мощная налоговая полиция. Однако диффузное сопротивление общества, имеющее и культурное, и экономическое основание, неизменно оказывалось сильнее. В результате, по оценкам экономистов, фактически уплачиваемые налоги не превышают 30-40% потенциально причитающихся государству сумм. Уклонение от уплаты налогов представляет в России, хотя и противоправное, но фактически институционализированное действие.

Основным механизмом преобразования институтов служат *массовые процессы*, из которых одни целенаправленно инициируются и стимулируются властью, другие неосознанно провоцируются ее действиями, третьи возникают по инициативе снизу, чаще в теневой сфере, вне поля зрения власти. Конкретными примерами таких процессов могут служить приватизация и перераспределение государственной собственности; развитие предпринимательства; становление рынка труда и новых трудовых отношений; реструктуризация прав и свобод граждан; развитие институтов гражданского общества и др. Субъекты или акторы этих процессов столь многочисленны и разнообразны, что идентифицировать их невозможно. Поэтому трансформационные макропроцессы можно с равным основанием назвать и много- и бес- субъектными.

Механизм обновления социальных практик. *Целевое реформирование* общественного устройства, связанное с радикальным изменением формально-правового пространства, интенсифицирует изменение социальных практик, одновременно лишая этот процесс органического, эволюционного характера. В условиях, когда большинство населения оказывается перед проблемой **выживания**, традиционные способы поведения часто становятся неэффективными. Это побуждает социальных акторов искать новые стратегии поведения. Наиболее эффективные из них закрепляются в практике, менее же удачные не приживаются и исчезают.

Социальный механизм изменения общественных практик можно представить примерно следующим образом: 1) целевая реформаторская деятельность властных структур изменяет административно-правовые нормы, регулирующие базовые институты общества; 2) социально продвинутое и обеспеченное необходимыми ресурсами слои общества используют новые правила и возможности для инновационно-предпринимательской деятельности, в том числе для создания новых экономических и политических структур; 3) изменение правового пространства и возникновение новых структур меняют условия жизнедеятельности непосредственно не причастных к инновационной активности массовых слоев общества; 4) представители этих слоев ищут и апробируют новые модели поведения, чтобы приспособиться к новым условиям, сохранить и повысить свой статус; 5) способы их адаптационного поведения подвергаются своего рода "естественному отбору": эффективные модели распространяются, принимая массовый характер, а неудачные отбрасываются. Смена типичных способов поведения ведет к трансформации соответствующих практик, а накапливающиеся сдвиги в практиках, реализующих тот или иной институт, приводят к изменению содержания этого института. Таким образом, поведенческие стратегии, избираемые разными группами населения, оказывают едва ли не решающее влияние на развитие трансформационных процессов.

Трансформационное поведение: критерии типологизации. Изучать трансформационное поведение социальных субъектов можно на разных уровнях. Первый из них составляют поведенческие стратегии, реализуемые отдельными индивидами, второй — типы стратегий, практикуемых конкретными группами или категориями населения, а третий — целостные социальные практики, в которых участвует много различных групп акторов.

Исследования массовых поведенческих стратегий на индивидуальном и семейном уровнях распространены достаточно широко. Активно анализируются такие виды поведения, как трудовое, предпринимательское, "теневое", потребительское, покупательское, миграционное, мобильное, финансовое, криминальное. Изучается поведение в сферах занятости, образования, доходов и пр. Единицами анализа в большинстве случаев являются индивиды или семьи, объединяемые в группы по сходству используемых способов поведения. Поэтому перечень этих групп в каждой сфере жизнедеятельности оказывается специфичным.

Понятие *трансформационное поведение* является наиболее широким, охватывая все эти виды поведения. С точки зрения же изучения социальных преобразований, происходящих в нашей стране, основной интерес представляют классификации поведенческих стратегий в зависимости от того, какие функции они выполняют по отношению к самим акторам и по отношению к обществу.

В основу первой из этих классификаций естественно положить цели, мотивы и средства реализации поведенческих стратегий. По совокупности этих признаков можно

выделить четыре класса стратегий: 1) **достижительные**; 2) адаптационные; 3) регрессивные; 4) разрушительные.

Наиболее распространенная цель *достижительных стратегий* — повышение индивидуального статуса, мотивируемое стремлением к росту благосостояния, профессиональному продвижению, политической карьере, улучшению качества и образа жизни, повышению социального престижа. Акторы, выбирающие такие стратегии, используют возможности, права и свободы как формально открываемые реформами, так и обусловленные их косвенными последствиями (например, неполнотой и несовершенством законов, временной бесконтрольностью частного бизнеса и пр.).

В основе *адаптационных стратегий* лежит стремление к социальному выживанию, сохранению прежнего или хотя бы минимально приемлемого социального статуса. Реализация этих стратегий может способствовать и повышению, и снижению эффективности общественных практик. Но их важная **позитивная** функция состоит в повышении приспособленности людей к сложным условиям меняющегося общества. Они способствуют снижению социального напряжения, улучшению социального настроения и тем самым облегчают дальнейшие социальные преобразования.

Регрессивные стратегии, как правило, отражают стремление субъектов либо выжить (если не социально, то хотя бы физически), либо забыть, уйти от жизненных трудностей даже ценой социальной эксклюзии, потери социальных связей, минимального статуса и идентичности. Поведение такого типа несет в себе угрозу опуститься в нижние слои общества и на социальное дно.

Наконец, *разрушительные стратегии* имеют агрессивный асоциальный характер. Они направлены против других, а иногда и против себя. Подобное поведение чаще всего мотивируется жадной наживы, не ограничиваемой моральными нормами, а также оживляющимися в трудные времена ксенофобиями (например, стремлением "бить чеченцев", "лиц кавказских национальностей" или "черных", а с их стороны — ответно "бить русских"). Другим мотивом может служить ненависть к новым богачам, а заодно и к среднему классу, стремление "восстановить справедливость" путем "разграбления награбленного" и т.п.

С точки зрения функций в трансформации общества, достаточно выделить три класса поведенческих стратегий: *конструктивный*, *деструктивный* и *смешанный*, неоднозначный. Поскольку регрессивные и разрушительные стратегии по природе своей деструктивны, реальных референтов имеют лишь 8 из 12 теоретически возможных типов поведения. Коротко охарактеризую содержание каждого функционального типа поведенческих стратегий.

Функциональные типы поведенческих стратегий.

1. *Конструктивные достижительные стратегии* воплощают позитивные функции как по отношению к субъектам (индивидам и семьям), так и по отношению к обществу. Поэтому они наиболее желательны. Эмпирическими референтами этих стратегий служат такие способы поведения, как:

а) использование новых экономических, институциональных и информационных возможностей для повышения образования и квалификации, приобретения пользующихся спросом профессий, активной реализации имеющихся способностей в деловой сфере, интенсивного и качественного труда на рабочем месте;

б) активный поиск работы, обеспечивающей возможность более полной реализации личностного, трудового и интеллектуального потенциалов;

в) восходящая трудовая и социальная мобильность, последовательное должностное и профессиональное продвижение, одновременно расширяющее как права, так и ответственность работников;

г) занятие легитимным предпринимательством или индивидуальной трудовой деятельностью, совмещение труда по найму с мелким личным бизнесом;

д) легитимное повышение личных доходов как за счет заработной платы, так и путем депозирования средств в банки и ценные бумаги, участия в финансовых и коммерческих операциях, сдачи в аренду дач, квартир, гаражей и пр.; освоение на этой основе новых потребительских практик, обогащение образа жизни, обновление стиля жизни.

2. Существенно иное, если не противоположное, содержание имеют *деструктивные достигательные стратегии*, исходящие из того, что сугубо эгоистическая цель оправдывает нелегитимное поведение. Удовлетворяя личные интересы акторов и способствуя повышению их статуса, поведение этого типа, будучи массовым, способно вести к деградации общества. В наибольшей степени это относится к криминальному варианту *достигательных стратегий*. К нему я отношу, например, практику "**временщичества**", т.е. использования служебного положения в органах государственной власти для быстрого самообогащения и обогащения всех близких с нарушением правовых и моральных норм. Другими вариантами подобных стратегий служат взяточничество и мздоимство чиновников; так называемое "нецелевое расходование (а фактически расхищение) бюджетных средств"; предоставление "своим людям" льгот, лицензий, освобождения от налогов в обмен на ценные блага. Другими примерами могут служить экспорт естественных ресурсов по демпинговым ценам с присвоением разницы с рыночной ценой; "**прихватизация**" перспективных государственных предприятий путем их покупки по бросовым ценам; организация "финансовых пирамид", дутых акционерных обществ и фирм; наконец, незаконная торговля оружием, наркотиками, рапиретатами, драгоценными металлами и прочее в том же роде.

3. Примером *достигательной стратегии*, *неоднозначно* влияющей на трансформацию общества, может служить "утечка мозгов", т.е. эмиграция из России наиболее квалифицированных кадров культуры, науки, образования, спорта. "Утечка мозгов" непосредственно снижает уровень жизненного потенциала России, но одновременно косвенно способствует его сохранению, а быть может, и приумножению. Российские ученые, лишённые возможности эффективно работать, получают таким путем возможность выйти на передовой фронт науки, овладеть самыми современными научными методами, использовать новейшие приборы и оборудование и делать крупные открытия. Если обстановка в России улучшится и наука начнет развиваться, многие эмигранты смогут вернуться уже с новым уровнем знаний.

4. *Конструктивные адаптационные стратегии* отличаются от достигательных не столько своим содержанием, сколько меньшей амбициозностью целей и мотивов. Как правило, они ориентируются не на повышение, а на сохранение или минимальное снижение прежнего статуса. Отсюда большая традиционность и меньшая рискованность поведения. К этому типу поведенческих стратегий можно, например, отнести: а) интенсификацию труда по основной профессии за счет совместительств и легальных приработков; б) диверсификацию занятости (сочетание труда по специальности с другими видами оплачиваемого труда, в том числе связанными с прежними хобби); в) переход из деградирующих отраслей в развивающиеся или из убыточных организаций в прибыльные, переезд из малых поселков в крупные города. В этих случаях преследуются индивидуальные цели, но массовая реализация подобного поведения содействует реструктуризации экономики и развитию рыночных отношений.

5. *Деструктивные адаптационные стратегии* базируются на таких способах поведения, которые позволяют субъектам выжить и приспособиться к изменению среды лишь ценой существенного снижения статуса, ухудшения качества жизни. Элементами таких стратегий служат: во-первых, нисходящая трудовая и социальная мобильность, вынужденный переход от сложного квалифицированного труда к занятиям, требующим меньшей подготовки, но приносящим больший доход, или более доступным в условиях безработицы (простые строительные работы, услуги населению, уличная торговля и т.п.); во-вторых, самообеспечение основными продуктами питания за счет тяжелого ручного труда в личных подсобных и садовых хозяйствах; в-третьих, отказ от платных услуг, компенсируемый дополнительным домашним трудом в ущерб воспитанию детей, культурному потреблению и отдыху. Эти способы поведения содействуют снижению профессионально-квалификационного потенциала общества, деиндустриализации производственной сферы, росту безнадзорности детей, упадку культуры.

6. К *неоднозначным адаптационным стратегиям* можно отнести такие способы поведения, которые помогают акторам в основном сохранить и даже несколько повысить свой статус, не оказывая особого влияния на общественные процессы или влияя на них неоднозначно. К таким способам поведения, на мой взгляд, относятся: вынужденное использование любой возможности приработка, независимо от типа труда; деятельность "челноков", способствующая повышению их доходов и насыщению рынка недорогими товарами, но ставящая крест на их профессиональной деятельности; расширение семейной взаимопомощи, содействующее выживанию людей, но ведущее к натурализации экономических отношений и часто достигаемое за счет перегрузки во вред здоровью.

7. Для *регрессивных поведенческих стратегий* характерен сознательный, но обычно вынужденный отказ от попыток адаптироваться к новой действительности; социальное отчуждение и пассивно-фаталистическое перенесение трудностей. В лучшем случае речь идет об ограничении личных и семейных потребностей, экономии на предметах длительного пользования и одежде, отказе от использования дорогих лекарств, медицинских и рекреационных услуг, покупки книг, подписки на газеты и пр. В худшем случае дело доходит до распродажи имущества, обнищания, жизни займы, недоедания, примитивизации образа жизни. Пороговым критерием нищеты социологи называют отказ от посещения и приема гостей, свидетельствующий о распаде социальных связей и десоциализации соответствующих субъектов. Этот вид регрессивного поведения свойствен одиноким старикам, сиротам, больным, инвалидам, многодетным и одиноким матерям. Другие виды этого поведения — нищенство и бродяжничество, дезертирство из армии с потерей легального статуса, проституция, пьянство и алкоголизм, потребление наркотиков, детская беспризорность.

8. Реализация *разрушительных стратегий* обычно является следствием либо крайнего возмущения, либо необратимой социальной эксклюзии. В первом случае они реализуются через массовые действия, влекущие тяжелые социальные и экономические последствия, например, через блокирование железных дорог, нарушающее сообщение между городами и регионами. Специфическим проявлением подобного поведения служат крайние формы протеста, выражающиеся в длительных голодовках, демонстративных самоубийствах, публичных самосожжениях. Злостная его разновидность — террористические акции против представителей власти, силовой захват органов управления или заложников, самосуд по отношению к реальным или предполагаемым преступникам (напри-

мер, расстрелы солдат товарищами по оружию, массовые расстрелы мирных граждан и пр.).

Особое место занимают разрушительные стратегии, связанные с уголовной преступностью: убийствами, грабежами, разбоями, изнасилованиями, нанесением тяжелых физических повреждений. Для акторов эти способы поведения означают утрату социальной идентичности, маргинализацию и люмпенизацию, а для общества — расширение социального дна, повышение его агрессивности, распространение социальных болезней, рост смертности от преступлений и самоубийств.

Факторы трансформационного поведения. Выбор акторами тех или иных поведенческих стратегий зависит как от личностных, так и от структурных факторов. В контексте развиваемой концепции особый интерес представляет зависимость их поведения от других типов трансформационной активности, а именно, от политико-управленческой, реформаторской и социально-инновационной деятельности. Прежде всего замечу, что в современных условиях сила влияния этих типов деятельности на преобразование общественного устройства России не одинакова. Ни целевая реформаторская, ни практическая социально-инновационная деятельность пока не получили здесь большого развития, в то время как текущая управленческая деятельность бюрократии влияет на жизнь каждого гражданина. Поэтому начну с анализа связи между поведением массовых групп и государственным управлением.

Содержание, качество и эффективность этого взаимодействия задаются отношениями государства и общества. Главная функция государственной политико-управленческой деятельности по отношению к обществу и его гражданам состоит в обеспечении нормального функционирования сложившихся институтов, поддержании правового порядка, и снижении всех типов **транзакционных** издержек социального обмена. Соответственно, главная функция граждан по отношению к государству — выполнение устанавливаемых им правил игры: законов, распоряжений, правил и норм. В действительности, однако, обе стороны выполняют свои функции по отношению друг к другу только частично, допуская, наряду с этим, и противоположные действия.

Представители массовых групп и слоев служат объектами управленческой деятельности на макроуровне как граждане государства и на микроуровне как индивидуальные (коллективные) акторы. В первом случае речь идет о *социальной политике государства*, определяющей такие *общие условия* жизнедеятельности граждан, как уровень и дифференциация личных доходов, условия получения медицинских услуг, принципы взимания налогов, масштабы безработицы, уровень социальной защищенности и пр. Возможности обратного влияния индивидуальных акторов на государство и власть довольно ограничены. Они могут защищать свои интересы либо через электоральное поведение (хотя и в этом случае нередко не имеют реального выбора), либо через движения массового протеста, результативность которых в социально дезорганизованном обществе, к сожалению, невысока.

Более непосредственный характер имеет взаимодействие социальных акторов с государственной властью на мезо- и микроуровнях. Представители власти играют **важную**, часто решающую роль в формировании *институциональных сред* жизнедеятельности рядовых граждан. В условиях распада большинства институтов даже низшие представители власти часто занимают доминирующие позиции и диктуют рядовым гражданам правила игры. Более сильным на микроуровне является и *обратное влияние* масс на государственно-управленческую де-

ятельность. В расшатанной институциональной среде резко усиливаются анархические тенденции, граждане приобретают большую возможность выбора между правопослушным или не правовым поведением. Поэтому *эффективность* государственно-управленческой деятельности в значительной степени зависит от поведения массовых групп.

Когда решения властей соответствуют интересам граждан, те, конечно, их выполняют, но в России это случается редко. Если же государственно-управленческие решения противоречат интересам индивидов, то последние оказываются перед выбором одного из трех путей: безропотно *подчиниться* требованиям власти (во вред себе и своим близким), *игнорировать* ее требования и новые правила в расчете на отсутствие или слабость контроля или *"купить"* у представителей власти неформальное право не выполнять неудобное правило. Первый путь наименее выгоден, второй — недостаточно надежен и безопасен, третий же — *дешевле*, чем послушание закону, и *надежней* явного саботажа, который рано или поздно вскрывается. Поэтому он оказывается наиболее предпочтительным и широко распространенным. В результате коррупция в России превращается из спорадического явления в институт, парализующий усилия власти преодолеть анархию и укрепить общественный порядок.

Другой фактор, влияющий на выбор стратегий поведения массовых групп — реформаторская деятельность власти. В отличие от текущего управления, она *изменяет нормативно-правовое пространство*, в котором действуют индивиды, организации, группы. Она *предписывает* или *запрещает* этим субъектам определенные *способы социального действия*, тем самым *инициируя* и *стимулируя* одни формы их поведения, *корректируя* другие, *тормозя* или *пресекая* третьи. Главной задачей этой деятельности служит рационализация поведенческих практик путем соответствующего преобразования регулирующих их институтов. Однако стремление реформаторов изменить народную жизнь неизбежно приходят в противоречие со сложившимися культурными нормами, и поэтому наталкиваются на сопротивление населения. В основе своей оно имеет здоровый характер, страхуя общество от непродуманных экспериментов власти. Поведенческие реакции населения играют здесь роль своеобразного сита, которое пропускает разумные изменения, отвечающие интересам людей, и отвергает недостаточно обоснованные перемены. Успех реформ зависит от степени их подготовленности, метод проб и ошибок здесь не пригоден.

В заключение — несколько слов о связях между поведением массовых групп и *социально-инновационной деятельностью* более продвинутых и обеспеченных групп, в основном относящихся к средним слоям. Под этой деятельностью я понимаю практический *поиск и апробацию* новых, более эффективных, с точки зрения субъектов, *форм организации* экономических и социальных *отношений* на уровне организаций, предприятий, учреждений и фирм. Видами такой деятельности являются, например, хозяйственное *предпринимательство*, создание и развитие *гражданских* структур и негосударственных некоммерческих организаций (НГО), апробация новых *форм образования, здравоохранения* и пр.

Люди, занятые подобной деятельностью, создают новые типы рабочих мест, а также социальных и экономических статусов, тем самым меняя институциональную среду и условия жизнедеятельности массовых групп. Их деятельность в одних случаях расширяет, а в других — сужает имеющиеся у простых людей возможности выбора. Так, для частного сектора экономики характерен *значительно более высокий* уровень заработной платы, но

вместе с тем *более жесткий*, чем на государственных предприятиях, трудовой режим и *ограниченные права* работников. Последние, боясь потерять выгодную работу, вынуждены вести себя "тише воды, ниже травы". Менеджеры промышленных предприятий определяют уровень и сроки выплаты заработной платы членам трудовых коллективов. Бывшие руководители крупных сельских хозяйств, арендовавшие лучшие земли и приватизировавшие лучшие постройки, технику, поголовье скота, тем самым резко дифференцировали положение разных групп колхозников. Небольшая часть из них получила более выгодную высоко оплачиваемую работу, большинство же осталось без работы. Однако рядовые граждане не всегда соглашались с отведенной им ролью пассивных объектов. Об этом свидетельствуют те социальные трудности, на которые наталкивается становление фермерства в России. Жить и работать в социально враждебной среде оказалось по силам немногим.

Социально-инновационная деятельность в сочетании с адаптационным и протестным поведением населения формирует такие *массовые* трансформационные процессы, как формирование рынка труда, перераспределение *акций* приватизированных предприятий в пользу администрации, рост экономической зависимости *СМИ* от крупных собственников, распространение *коррупции* и др. Эти процессы *изменяют* массовые социальные практики, т.е. фактически *действующие правила игры*, которые отражают реальные результаты реформирования соответствующих институтов. Информация о *текущих* результатах *реформ*, ходе *трансформационных* процессов побуждает *властные структуры* исправлять допущенные *ошибки* и *корректировать реализуемый курс*.

Общий вывод из сказанного заключается в том, что успех реформ может быть обеспечен лишь серьезным предварительным изучением положения, интересов и поведенческих практик соответствующих групп населения; разработкой *социально обоснованной и культурно приемлемой* для россиян программы реформ; проверкой ее "работоспособности" в разных экономических, социальных и культурных условиях. Что касается науки, то одна из ее задач — добиться того, чтобы представители власти и, в частности, входящие в ее состав реформаторы, поняли, что *люди* — какое бы место они ни занимали в обществе — *это субъекты*, а не объекты. Именно они являются главными акторами социальных преобразований, и нельзя осуществить эффективные реформы, не считаясь с их ценностями и интересами.

Леонид СЕДОВ

Сентябрь 2000. Перемены в настроениях электората

Прошло девять месяцев со дня воцарения В.Путина на президентском престоле и около 200 дней после того, как его президентские полномочия были подтверждены всенародным голосованием. Разумеется, этот срок недостаточен, чтобы делать какие-то далеко идущие выводы относительно дальнейших судеб "путинского режима". Однако некоторые наблюдения о том, как ведет себя наш переменившийся "броуновский"* электорат, какие в нем обнаруживаются течения, как он реагирует на происходящие в стране и мире события и откликается на осуществляемый В.Путиным политический курс, сделать можно. Восполь-

* См.: Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 5. С. 12-14.

зуемся для этого данными опроса ВЦИОМ, сентябрь 2000 г. (N=1601 человек).

Самое общее впечатление, получаемое на основании ответов о гипотетическом голосовании "в ближайшее воскресенье", состоит в том, что политическая активность и заинтересованность, отмеченная на выборах Президента России в марте 2000 г., пока не ослабевает и остается (по крайней мере, на словах) на уровне без малого 70%-ного участия в президентских выборах. При этом В.Путин не только не растерял свой электорат, а даже несколько приумножил его (36% взрослого населения в марте, 41% — в сентябре 2000 г.), в то время как поддержка основных его оппонентов — Г.Зюганова и Г.Явлинского — сокращается. Г.Зюганов потерял поддержку 6% населения (его электорат — 20% в марте, 14% — в сентябре). Можно отметить, что остающийся в распоряжении лидера КПРФ электорат становится все более антипутинским. Многие из тех, кто голосовал за Г.Зюганова на выборах в марте 2000 г., сегодня с одобрением воспринимают курс В.Путина — в их рядах соотношение тех, кто одобряет, и тех, кто не одобряет деятельность президента, больше единицы и составляет 50% к 41%, а у оставшихся верными Г.Зюганову избирателей это соотношение меньше единицы — 40% к 49%. Это означает, что группы, относящиеся более лояльно к В.Путину, отошли от Г.Зюганова, а его нынешний электорат можно считать умеренно оппозиционным.

Другой оппозиционный электорат — Г.Явлинского — также численно уменьшился на одну четверть (4% населения в марте, 3% — в сентябре 2000 г.), но при этом его эволюция противоположна той, которая отмечается в электорате Г.Зюганова — его оппозиционность стала по сравнению с мартом 2000 г. более умеренной. Голосовавшие в марте 2000 г. сегодня одобряют/не одобряют деятельность В.Путина в соотношении 37% к 52%, а в нынешнем электорате Г.Явлинского наблюдается соотношение 42% к 46%. Похоже, что настроенные против курса, проводимого В.Путиным, покидают "яблоневый сад", а пополняется он более дружелюбными по отношению к президенту и его курсу гражданами. Или же у одних и тех же "яблочников" настороженность по отношению к В.Путину сменяется более положительными эмоциями.

Необходимо сказать несколько слов и о других малочисленных электоратах, которые вряд ли можно назвать оппозиционными, поскольку в общей их совокупности рассматриваемое соотношение положительных и отрицательных оценок деятельности президента складывается в пользу последнего. Отметим, что пропрезидентская позиция В.Жириновского пошла ему на пользу: его поддержка выросла с 2 до 3% населения. А.Тулеев сохранил свои 2% сторонников. Не участвовавшие в прошедших выборах Е.Примаков и Ю.Лужков имеют совокупный прожективный электорат численностью в 3% (2% за Е.Примакова и 1% за Ю.Лужкова). Наконец, в числе политиков, которых хотели бы видеть на президентском посту некоторые малозаметные группы избирателей (около 1% за каждым), фигурируют С.Кириенко, Э.Памфилова и, что неожиданно, В.Рушайло.

Как видим, демократическая оппозиция В.Путину становится более мягкой, а левая — более жесткой, что косвенно свидетельствует о том, что проводимый В.Путиным курс больше устраивает "правых" и не оправдывает ожидания "левых". Если же взять общество в целом, оно пока на стороне В.Путина, что выражается в отмеченном выше количественном росте его поддержки и в отсутствии оппозиционных лидеров, способных составить ему серьезную конкуренцию. Эти общие наблюдения могут быть детализированы посредством анализа процессов, происходящих в каждом из электоратов в отдельности в период после выборов.